

ИГРЫ КРОВИ

СИМОНА ТАРАНСКИ 18+

18+

Симона Тарански

Игры крови

<https://litres.ru/74623044>

SelfPub; 2026

Аннотация

«ИГРЫ КРОВИ» — острый эротический рассказ с элементами мистического триллера.

Героиня устала быть «тихой гаванью» для чужих мужей. Будничная ненужность ломает её гордость, и в момент отчаяния она решает оборвать всё. Но вместо смерти её разум проваливается в «Игру Крови» — где алые глифы даруют женщине абсолютную ведьминскую власть.

Из мрака соткался Принц Тьмы. Их плотское слияние должно было уничтожить её, но на пике экстаза она сожрала его силу, превратившись в хищное доминирующее чудовище. Новая Королева Ночи ломает сильных мира сего. Бизнесмены превращаются в рабски преклоняющихся «мальчиков», готовых платить бриллиантами за позволение побыть в её теле. Она подчиняет их анатомию, упиваясь вкусом триумфа.

Но что, если эротическая магия, роскошь и месть — лишь бред комы? Спасительный щит разума, прячущий её от жуткой реальности, разворачивающейся над её беспомощным телом в больнице? И какую цену ей придётся заплатить, когда маска Принца Тьмы сползёт с лица лечащего врача?

Симона Тарански

Игры крови

Игры крови.

Глава 1.

Город давил на неё не высотой домов — он давил тишиной, которая наступала после. После торопливого «спасибо, ты классная», после «я позвоню» без звонка, после хлопнувшей двери, за которой сразу стихали шаги, будто её и не было.

Её будни пахли дешёвым парфюмом, которым она пыталась перебить запах чужой квартиры, и остывшим кофе из одноразового стаканчика. Она научилась быть удобной: не задавать лишних вопросов, не задерживаться дольше, чем нужно, не смотреть в глаза, когда в них уже нет интереса. Для одних она была тихим убежищем от крикливой жены, для других — лёгкой, ни к чему не обязывающей вспышкой на фоне скучных будней. И ни для кого — настоящей.

Особенно больно было не от грубости, а от этой будничной, почти вежливой ненужности. «Ты не подумай, я не хочу тебя обидеть...» — и дальше шло то самое «но», которое рушило остатки гордости. Она кивала, улыбалась, застёгивала пальто и шла к выходу, стараясь не смотреть на смятые

простыни — они слишком громко кричали о том, что только что произошло и тут же стало ничем.

А дома её ждала тишина. Не уютная, не спасительная — пустая, как комната, из которой вынесли всё ценное. Бирюзовая кружка с бабочками, стопка непрочитанных книг, тусклый свет лампы, который делал всё вокруг чуть более жалким, чем оно было на самом деле. Она села на край кровати и смотрела в стену, пытаясь собрать себя по осколкам, которые каждый раз становились всё мельче и острее.

Она ненавидела себя за то, что снова шла туда, где её не ждали. За то, что цеплялась за любой взгляд, в котором мелькало хоть что-то похожее на интерес. За то, что её тело, которое должно было быть храмом, стало полем для чужих коротких побед. Но ещё больше она ненавидела ту пустоту, которая разрасталась внутри, когда даже эта жалкая видимость тепла исчезала.

Однажды вечером, когда дождь барабанил по подоконнику, а телефон молчал уже третий день, она сорвалась. Не на кого-то — на себя. Она схватила кружку, ту самую, с глупыми бабочками, и сжала так сильно, что ногти впились в керамику.

— Хватит, — прошептала она, и голос дрожал не от слёз, а от ярости, которая копилась годами. — Хватит быть удобной. Хватит быть временной.

Но ярость тут же рассыпалась в бессилии. Кружка осталась целой, мир остался прежним, а она — всё той же девуш-

кой, которую легко забывали, едва за ней закрывалась дверь.

В ту ночь она почти не спала. Ворочалась, куталась в одеяло, которое пахло пылью и одиночеством, и смотрела, как тени ползут по потолку, будто что-то шепчут. Она встала, налила себе в кружку кофе и с отсутствующим взглядом, начала пить маленькими глоточками, запивая какими — то вкусняшками, которые нашла в шкафчике. Она не чувствовала вкуса. Ей всё казалось пресным, как её жизнь. Она много раз хотела поменять свою жизнь, но каждый раз натыкалась на одно и то же. На ненужность. И вот сейчас стоя на последнем пределе, она решила на последнюю попытку. Она слышала от кого-то, что это может помочь и что даже кому-то помогло. И это последнее называлось Игра, Игра Крови. И хоть она не могла, как не напрягалась, вспомнить от кого она слышала, так и не вспомнила... может это ей подсказало её подсознание. Но это было не важно — она решила. Ей казалось, что стены давят, что воздух становится густым, как сироп, и каждый вдох даётся с трудом. И в какой-то момент она почувствовала, что её сознание начало куда-то проваливаться, в какую-то бездну, но в этой бездне чувствовалось — не просто одиночество, а присутствие чего-то огромного, равнодушного, древнего. Оно не утешало, не звало, не обещало ничего хорошего. Оно просто знало о ней. И от этого знания по коже пробежал ледяной огонь, а внизу живота вспыхнул тот самый запретный жар, который она столько лет пыталась заглушить чужой, пустой близостью.

Память крови, о которой она никогда не слышала, вдруг проснулась. Это был не воспоминание — это был инстинкт, первобытный, звериный, который заставил её сердце биться так, будто оно хотело вырваться из груди.

Дело было в самой Игре. Она существовала задолго до неё, задолго до города, задолго до любых человеческих историй. Игра была циклом, древним ритуалом равновесия: тьма искала сосуд, достаточно пустой и достаточно уязвимый, чтобы впустить её. И в каждом цикле выбирались те, чья боль уже сделала их тонкими, почти прозрачными, у кого внутри не осталось ничего, что могло бы сопротивляться. Её боль, её привычка быть удобной, её готовность терпеть унижительное — всё это было не случайностью. Это были метки. По этим меткам тьма и находила своих кандидатов.

Принц Тьмы не выбирал её из прихоти. Он приходил туда, где ткань реальности уже истончилась от отчаяния. Он был не соблазнителем, а катализатором: он должен был довести её до края, заставить отдать всё, чтобы в момент абсолютного слома пробудить ту самую силу, которая дремала в её крови. Для Высших сил это был расчёт: жертва, которая сгорает, чтобы подпитать баланс. Но никто не ожидал, что она не сгорит — она поглотит.

И когда тьма в комнате сгустилась до такой плотности, что, казалось, её можно было резать ножом, она вдруг почувствовала это. Не взгляд — а присутствие. Тяжёлое, древнее, равнодушное ко всем её человеческим мелочам. Что-то

огромное и тёмное смотрело на неё из самого сердца ночи.

Она села на кровати, вцепившись пальцами в простыню, и прошептала в темноту:

Глава 2.

— Кто здесь?

Тишина ответила ей не словами, а низким, проникающим глубоко под кожу гулом, от которого задрожали стёкла и отозвалось дрожью всё её тело. Мрак в углу комнаты тяжело шевельнулся, уплотнился, и из него соткался он.

Высокий, безупречно сложенный, пугающе осязаемый. Его глаза горели хищным, гипнотическим блеском, безжалостно обнажая её скрытые желания. На его лице не было и тени мягкости — лишь абсолютное, подавляющее превосходство, перед которым её воля мгновенно капитулировала.

— Ну здравствуй, беглянка... — Его голос прозвучал прямо внутри её сознания, вибрируя на такой интимной, животной частоте, что колени девушки подогнулись, а внизу живота вспыхнул голодный спазм. — Сколько жизней ты собиралась бежать от того, что начертано на твоих ладонях?

Один хищный шаг — и расстояние между ними растворилось. Пространство взорвалось первобытным Огнём великой Игры. Он ещё не коснулся её, но жар, исходящий от его мощного тела, заставил её кожу покрыться мурашками, а соски — мучительно затвердеть. Лавина желания, копившаяся вечностями, сокрушила последние барьеры стыда и страха. Разум разбился вдребезги.

Его ледяные, но одновременно обжигающие пальцы сомкнулись на её шее, заставляя судорожно вздохнуть, и медленно, с дразнящим нажимом поползли вниз — к пульсирующим ключицам и выше поднимающейся груди. От этого контраста температур тело пронзило мощным разрядом чистейшего экстаза. Он рванул её к себе, намертво вжимая её податливые изгибы в свой жёсткий, горячий силуэт.

Их губы столкнулись в сокрушительном, жадном поцелуе, пахнущем грехом и запретной властью. Его язык властно ворвался в её рот, забирая её дыхание. Спустившись ниже, он принялся осыпать её шею и декольте терзающими, требовательными поцелуями. Жёсткие волоски его клиновидной бородки покалывали её чувствительную, разгорячённую кожу, вызывая волны неистового, острого возбуждения, граничащего с безумием — эта деталь словно была создана, чтобы доводить её до исступления.

Это не было просто соитие. Это было яростное, сакральное слияние, где её первозданная невинность плавилась и кричала от восторга под сокрушительным, ритмичным давлением его тёмной, доминирующей силы. Он брал её тело и душу, глубоко и беспощадно, с каждым толчком переписывая код её рода в этих секундах дикого, экстатического безумия.

Каждое глубокое движение, каждый её хриплый стон и его тяжёлое дыхание в темноте выжигали её прежнее «я». Мир сузился до размеров этой постели, ставшей алтарём их

необузданной страсти. Она выгибалась навстречу его ласкам, полностью растворяясь в мистическом, греховном потоке наслаждения и добровольно отдавая ему каждую каплю своей ментальной и физической силы.

Когда предрабассветные сумерки начали едва заметно окрашивать комнату в серые тона, он отстранился, растворяясь в утренней дымке так же внезапно, как и появился. На простынях остался лишь едва уловимый шлейф его присутствия и выжженное, полностью преображённое пространство. Она лежала без сил, тяжело дыша, глядя в потолок уставшими, но широко раскрытыми глазами. Внутри неё воцарилась звенящая, пугающая пустота. Обычный мир, её книги, бирюзовая кружка, остывший кофе на кухне — все это потеряло всякий смысл, став пресным, далёким и абсолютно мёртвым. Магия этой ночи навсегда отравила её земное существование. Её сердце больше не принадлежало ей. Пластинку её разума заело окончательно, и внутри стучала лишь одна безумная, непреклонная истина. Она осознала, что отныне физически не сможет жить без этого удушающего, но дарующего истинное величие экстаза. Она была полностью, безвозвратно сломлена и покорена. Она была готова отдать свою земную жизнь, свою бессмертную душу и все свои будущие воплощения за ещё одну такую ночь с ним — её Принцем Тьмы, великим и безжалостным собирателем душ невинных девушек, чей жребий так сладостно, страшно и навечно пал на неё.

Глава 3.

Комната тонула в серой, безликой мгле. С той самой безумной ночи время для неё потеряло всякие координаты. Часы на стене тикали, но этот звук казался глухим, точно маятник качался под водой.

На кухонном столе так и стояла её любимая бирюзовая кружка с бабочками. Но теперь на её дне темнел засохший, окаменевший ободок — она больше не пила кофе. Вся привычная, земная пища казалась ей на вкус как серый, пережжённый пепел. Книги, в которые она раньше уходила с головой, теперь выглядели грудой мёртвых бумажных листов с бессмысленными чёрными знаками. Прежний мир, её маленькие человеческие радости, планы на завтра — всё это превратилось в плоскую, дешёвую бутафорию. Её собственная жизнь казалась ей чужой, дурно сыгранной пьесой.

Она сидела на полу у кровати, обняв колени, и её была мелкая, непрекращающаяся дрожь. Это была не простуда. Это была ментальная, эзотерическая ломка. Память крови, которую пробудил Принц Тьмы, требовала новой дозы того запретного, испепеляющего огня. Внизу живота пульсировал тёмный, ненасытный голод, который невозможно было заглушить ничем земным.

Её разум, когда-то гордый, хитрый и сильный, теперь лежал в руинах. Она больше не пыталась переиграть «их» или

устроить бойкот Высшим силам. Все её мысли, сузившись до размеров одной сверкающей точки, крутились вокруг него. Единственное, что заставляло её сердце совершать судорожные толчки — это воспоминание о его ледяных, обжигающих пальцах на её ключицах и безумном, экстатическом слиянии, переписавшем узор её рода.

Вся её сексуальная энергия, вся жизненная сила были без остатка стянуты в этот невидимый узел. Любое воспоминание о его хищном взгляде вызывало у неё волну дикого, мучительного возбуждения, от которого темнело в глазах. Только мысль о новой встрече, о возможности снова раствориться в его сокрушительной, доминирующей тьме, возвращала ей подобие дыхания.

— Приди... — шептали её пересохшие губы в пустую темноту спальни. — Забери остатки. Забери душу. Мне не нужна эта пустая, пресная жизнь без тебя...

Она понимала, что стала одной из тех невинных жертв, чьи души он коллекционировал веками. Она знала, что следующая ночь может стать для её тела последней. Но этот страх больше не пугал её — он лишь сильнее разжигал её извращённую, мистическую страсть. Она добровольно, с безумной улыбкой на губах, шаг за шагом спускалась в его бездну, готовая отдать саму себя до последней капли ради ещё одного мгновения этого греховного, смертельного экстаза.

Ночь разверзлась внезапно. Пространство спальни лопнуло, как перенапряжённый холст, и комната мгновенно заполнилась удушливым, вибрирующим жаром. На её тонкой коже, вдоль предплечий и бёдер, алым неоновым светом проступили эзотерические знаки — древние глифы Игры, выжигающие изнутри остатки человеческой природы. Память крови вспыхнула первобытным пожаром.

Он соткался из самого густого, осязаемого мрака. Принц Тьмы навис над ней — безупречный, пугающе мускулистый, лишаящий воли. Его гипнотический взгляд намертво пригвоздил её распластанное тело к постели. Больше не было места ни страху, ни ожиданиям. Похоть и страсть, копившиеся вечностями, сорвались с цепи, сметая остатки рассудка.

Это было откровенное, неистовое, почти дикое соитие двух полярных стихий. В этой тёмной, экстатической ласке не осталось места для нежности — только чистая, концентрированная доминирующая сила и её абсолютное, голодное подчинение. Каждое мощное движение его тела выламывало кости её прежней личности, полностью подчиняя её анатомию своим животным ритмам. Она плавилась, выгибаясь дугой, и кричала от невыносимого, пограничного наслаждения. В самые потаённые глубины её существа вливался его ледяной и одновременно обжигающий огонь. Это был дикий, первобытный танец на краю бездны, где её сексуальная энергия фонтанировала, отдавая хозяину ночи последние капли ментальной и физической жизни. Она тонула в этом грехов-

ном экстазе, судорожно сжимая бёдрами его торс, готовая умереть прямо под ним и навсегда раствориться в его чёрном космосе.

Но на самом гребне этого безумного катарсиса, когда разум окончательно помутился от сладостной боли, а внизу живота всё сжалось в предвкушении разрядки, в её угасающем сознании вдруг вспыхнули слова сакрального манифеста: «Ибо не встреча была целью Игры. И даже не любовь. Но Пробуждение».

И в этот миг её пробило током леденящего осознания. Цель Высших сил была достигнута, но сценарий вселенной дал чудовищный сбой. Произошло тотальное, оргазмическое короткое замыкание. Вместо того чтобы сломаться под натиском его тьмы, её невинная душа, пройдя через адскую боль и пик запретного экстаза, мутировала. Она не просто выдержала его сокрушительную энергию — она впитала её, сожрала и сделала своей.

На самом пике ураганного оргазма, когда её тело забилось в конвульсиях наслаждения, она мёртвой хваткой впиалась ногтями в его безупречные, напряжённые плечи, раздирая их до крови. Её глаза, ещё секунду назад полные рабской покорности, распахнулись и вспыхнули точно таким же хищным, гипнотическим блеском бездны.

Принц Тьмы вдруг резко отшатнулся, попытавшись вырваться и разорвать этот плотский контакт, но было поздно. Её изменённая память крови, пульсируя в такт оргазму, уже

перекачивала его первозданную силу прямо в её вены. Его безупречное лицо исказилось от ярости и первого в его вечном существовании страха. Сидя на нём верхом и задыхаясь от торжества, она заставила его понять: в этом диком акте он породил равное себе чудовище.

Магия Игры лопнула с оглушительным ментальным треском. Связующие узы разорвались. Принц Тьмы, обескровленный и уязвлённый, стремительно растворился в воздухе, позорно бежав обратно в свой мрак, чтобы зализывать раны и искать другие — глупые, слабые и ломающиеся жертвы. Но эта постель больше не принадлежала ему.

Утром она открыла глаза. Алые знаки на её теле больше не горели — они впитались под кожу, навсегда переписав ДНК. Звонящая пустота в голове исчезла, уступив место абсолютному, кристальному и жестокому спокойствию. Вся её бывшая слабость, зависимость и тоска сгорели без остатка.

Она медленно встала, подошла к зеркалу и усмехнулась своему новому отражению. В её взгляде сквозило ледяное, безграничное презрение. Она больше не была жертвой. Она взяла силу Принца.

Пройдя на кухню, она посмотрела на любимую бирюзовую кружку с бабочками. Символ её прежней, наивной девичьей жизни. Девушка брезгливо смахнула её со стола. Кружка с грохотом разлетелась на мелкие осколки по кафельному полу, но она даже не вздрогнула. Прежний мир был мёртв.

Теперь она сама повелевала ночью. Внутри неё пульсиро-

вала тёмная, доминирующая сексуальная энергия, требующая выхода. Ей больше не нужен был Принц Тьмы — она сама стала Королевой. В её сознании родился новый, изощрённый голод. Ей хотелось ощутить, как чужие судьбы ломаются под её каблуками. С этого дня мужчины станут для неё лишь расходным материалом, пешками, чьи сердца она будет выжигать дотла, глядя на их страдания со спокойной, хищной улыбкой. Она научилась брать из чужой боли чистый, неиссякаемый ресурс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.